Братья Гримм

Кованный заново человек

В те времена, когда господь странствовал еще по земле, зашел он раз под вечер вместе со святым Петром к одному кузнецу, и тот охотно пустил их к себе переночевать. Но случилось так, что как раз в это самое время подошел к дому нищий, несчастный больной старик, и попросил у кузнеца милостыню. Петр сжалился над нищим и сказал:
— Господь мой и учитель, если тебе будет угодно, то избавь его от недугов, чтобы был он в силах сам себе на хлеб зарабатывать.
И кротко молвил господь:
— Кузнец, дай мне на время твой горн и подбрось в него углей, я омоложу этого больного старика.
Кузнец охотно согласился. Святой Петр взялся за мех, и когда пламя разгорелось и стало большое и высокое, взял господь бог старика, сунул его в горнило, прямо в самое пекло, и тот запылал, точно розовый куст, и стал восхвалять бога громким голосом. Подошел затем господь к чану, сунул в него человека с головой в воду, и когда тот как следует поостыл, дал он ему свое благословение; и глядь — выскочил человек оттуда молодой, стройный, здоровый, и лет на вид будто двадцати. Кузнец, который был при этом и все это видел, пригласил всех их к себе на ужин. А жила у него старая, полуослепшая, горбатая теща, она подошла к юноше и как следует его ощупала, чтоб узнать, закалил ли его огонь как должно. И рассказал юноша, что никогда не было ему так хорошо и что сидел он в пламени, будто в прохладной росе.
Рассказанное юношей звучало всю ночь в ушах у старухи, и когда господь на заре отправился в путь-дорогу, хорошо отблагодарив перед тем кузнеца, то последний подумал: не сможет ли он омолодить также и свою старуху-тещу, так как он все в точности видел, а тут дело к тому же его ремесла касается. И вот он кликнул старуху и спросил, не хочется ли ей, мол, тоже прыгать, как восемнадцатилетней девушке. Она ответила: «От всего сердца хотела бы, — ведь дело с юношей вышло так удачно». — Вот раздул кузнец пламя пожарче и сунул в него старуху; начала та извиваться да корчиться и подняла страшный предсмертный вопль. «Сиди смирно, чего ты кричишь и прыгаешь? Сейчас я раздую как следует». Он принялся раздувать мех снова, пока не сгорело на старухе все тряпье. Старуха вопила от боли, а кузнец думал: «Кузнечное дело на этом не кончилось», — он вынул старуху и бросил ее в чан с водой. Начала она кричать изо всех сил; услыхали то наверху в доме жена кузнеца и ее невестка, кинулись они по лестнице вниз и видят — лежит старуха в чану и воет, вся вздулась, скорчилась, лицо у ней все сморщенное, изуродованное. И так они перепугались, — а были они обе уже на сносях, — что в ту же самую ночь родили по мальчику, но были младенцы совсем на людей не похожи, а на обезьян, и убежали они в лес; от них-то вот и пошел род обезьяний.